

заций». Потере этнической специфики способствует и переход с родного языка на лингва-франка, т. е. португальский. лингва жерал (португализированный тупи) или какой-либо иной диалект. С отдаленных притоков Амазонки такие декоммунализированные индейцы стягиваются в заселенные кабокло низовья и постепенно растворяются среди них. В других случаях, как у индейцев мауэ, эволюция идет не за счет разрушения общины, а за счет развития от первобытной общины к сельской общине капиталистического типа. В этом случае этническая целостность сохраняется дольше. Причиной таких отличий служит, в частности, то, что у мауэ предметом товарного лесного промысла является не каучук, который собирается в одиночку, а тяжелая розовая древесина, для добычи которой необходимы коллективные усилия.

Своеобразное положение сложилось в верховьях Шингу. Переселившиеся сюда из разных районов племени разных языковых семей, с различной первоначальной культурой, в итоге взаимодействия стали многоязычными, создали единую материальную и духовную культуру, приобрели общее самоназвание «уку е» («наши люди») и соответственно общее самосознание «индейцев-шингуанцев». В новейшее время тенденцию подключиться к этой общине проявляют и новые племена. На территории «Национального Парка Шингу» идет интереснейший исторический эксперимент, процесс этногенеза новой общины как бы в лабораторной форме. Но будущность его участников зависит во многом от сохранения Парка Шингу, от самоотверженной деятельности его руководителей по защите индейцев, братьев Вилас Боас, и надо сказать, что эти предпосылки находятся под угрозой нарастающих поползновений на земли и природные ресурсы парка.

Наконец, особое положение сложилось у индейцев терена. Культура этого народа находится как бы на полпути между индейской и бразильской. Терена активно переселяются в города, в их системе ценностей высокий престиж получили образование, профессии умственного труда, возрастает экономическая роль женщины. При смешанных браках, однако, происходит не растворение индейцев среди городского населения, а наоборот, вовлечение партнеров в индейскую среду. Таким образом, налицо успешная интеграция, но без ассимиляции. Это объясняется тем, что сохранение племенной общности в городе служит важным защитным механизмом; кроме того, сохраняется заинтересованность в остающихся в резервации земельных наделах.

К сожалению, в книге остается не вполне ясным вопрос, почему у индейцев других племен реакция на столкновение с городской культурой идет иначе.

Проведенный Л. А. Файнбергом анализ тенденций в изменении структуры собственности, распределения продукта, линейности и структурности родственных и социальных групп, в эволюции верований и обрядов в столь различных контекстах представляет значительный интерес с точки зрения теоретических проблем общей этнографии. К сожалению, он далеко не везде полон и унифицирован, но в этом мы не можем винить автора — он всецело зависел от своих литературных источников, которые сами во многих случаях весьма скудны и неполны. Наоборот, его большая заслуга в том, что он сумел собрать по крупицам в самых различных и неоднородных источниках разбросанный в них информационный материал. Особенно важно отметить, что в числе прочих источников был широко использован материал бразильской периодической печати. Как бы ни были эти сведения скупы и фрагментарны, очень ценно, что автор смог во многом преодолеть эту неполноту и разнородность источников и создать достаточно цельную картину тех, в основном, увь, трагических изменений, которые происходят сегодня в индейских обществах Бразилии.

С. А. Арутюнов

НАРОДЫ АФРИКИ

М. А. Коростовцев. Религия Древнего Египта. М., 1976, 335 стр.

Египтологические исследования в нашей стране имеют давнюю и богатую традицию — достаточно назвать имена таких крупных ученых, как В. С. Голенищев, Б. А. Тураев или В. В. Струве. Однако наличие такой традиции ни в коей мере не означает равной степени изученности всех аспектов социальной, политической и культурной истории древнеегипетского общества. В частности, до самого последнего времени не существовало специальных отечественных работ по одной из важнейших сфер жизни древних египтян — религиозной. Все, что по этому поводу было написано, представляет как бы отдельные заметки — пусть даже в высшей степени квалифицированные и интересные, как например, соответствующие главы капитальных трудов Б. А. Тураева или В. В. Струве — в книгах, посвященных более общим вопросам истории Древнего Египта или Древнего Востока в целом. Уже по одному этому выход в свет монографии М. А. Коростовцева «Религия Древнего Египта» можно рассматривать как крупное и отрадное событие в развитии нашей науки.

Было бы, однако, неверно ограничивать значение этой книги только ее местом в советском востоковедении. По существу это первая не только в Советском Союзе, но вообще в мировой марксистской литературе специальная монографическая работа, посвященная древнеегипетской религии, первое в мировой науке обобщающее исследование этой религии с историко-материалистических позиций. Историки-марксисты во всем мире, несомненно, должным образом оценят труд М. А. Коростовцева.

Во введении книги автор предупреждает читателя о том, что не имел намерения написать историю египетской религии (стр. 5). Тем не менее работу отличает прежде всего глубокий историзм. Он проявляется и в постановке проблемы — описании религиозных верований египтян в динамике их становления и развития (стр. 7) и в том, как М. А. Коростовцев показывает разные стороны такого, по его определению, «грандиозного явления», как религия Древнего Египта, ее влияние на религиозные системы более поздних исторических эпох, ее место в становлении общечеловеческой культуры. Для этого используется колоссальный по объему материал, накопленный к настоящему времени мировой наукой. Правда, автор подчеркивает, что использовать в полном объеме материалы, особенно исследования по египетской религии, существующие в наши дни, практически невозможно (стр. 9). Но ознакомление с текстом книги показывает, что при ее подготовке было привлечено практически все, что заслуживает сколько-нибудь серьезного внимания.

В короткой рецензии едва ли возможно в полной мере осветить все стороны труда М. А. Коростовцева. Поэтому остановимся лишь на некоторых его идеях, представляющих наиболее важными и плодотворными с точки зрения этнографии и истории культуры.

В основу анализа древнеегипетской религии автор положил последние теоретические работы советских религиоведов и историков первобытности. Он настойчиво и неоднократно подчеркивает, что религиозные верования жителей Египта складывались и развивались в общем по тем же закономерностям, что и аналогичные верования людей в любой другой части земного шара (см., например, стр. 7). Вместе с тем этому развитию свойственна была и определенная специфика, обусловленная конкретными условиями исторической эволюции человеческого общества в долине Нила. И в этом смысле существенный интерес представляют замечания М. А. Коростовцева о соотношении египетской религии, какой она предстает перед нами в источниках, и тотемических представлений предшествовавшей сложению единого государства эпохи (стр. 10—46).

Религиозные верования, которые исследователь видит в различных письменных источниках по истории Древнего Египта, обнаруживают совершенно несомненное тотемистическое происхождение и в то же время свидетельствуют о постепенном и весьма давнем превращении первоначального тотемизма в «хорошо организованный и... всенародный культ животных» (стр. 29). Такая эволюция, на первый взгляд, противоречит общепринятому в нашей науке представлению об отмирании тотемизма по мере превращения общества доклассового в классовое. Но анализ исторических условий развития египетского государственного организма, объединившего население долины Нила, показывает, что противоречие это кажущееся. В самом деле, М. А. Коростовцев убедительно демонстрирует нам, что в основе подобного необычного хода эволюции религиозных верований лежало противоречие между централизаторскими устремлениями царской власти и сепаратистскими тенденциями отдельных номовых единиц. И именно культ животных, локальный по своей сущности, оказывался выражением подобных центробежных тенденций в религиозной сфере (стр. 31).

Такое объяснение в целом справедливо и достаточно плодотворно. И все же можно было, думается, рассмотреть эту важнейшую в теоретическом отношении проблему более подробно. В особенности это касается затрагиваемого автором на стр. 30—31 и 50—51 вопроса о соотношении в древнеегипетской религии таких разных явлений, как массовые религиозные представления, с одной стороны, и идеология правящего слоя единого централизованного государственного организма — с другой. В частности, можно задать вопрос, не была ли религия древних египтян своего рода компромиссом между народными массами и правящей элитой в религиозной области, или, что практически то же самое, определенной уступкой этой элиты традициям основной части трудящегося населения страны? В этом смысле хотелось бы видеть в книге более подробное описание именно трансформированных воззрений на массовом уровне. В определенной степени автор, правда, сделал это в главе III, посвященной местным богам, особенно на стр. 47—50. Однако здесь изложены скорее общие принципы такой трансформации. И стоило, может быть, пусть на каком-то одном примере, более пространно показать, как именно она осуществлялась.

Как раз в главе III сформулировано одно из самых существенных положений книги: тезис об единой религии при разнообразных формах ее (стр. 47). Именно разнообразие форм существования и проявления древнеегипетской религии, политеистический ее характер, подчеркивает М. А. Коростовцев, неизбежно порождала синкретизм. С другой стороны, эти же исторически обусловленные черты религиозных воззрений не позволили сложиться единой государственной церкви и религиозной ортодоксии (стр. 260—261). Отсюда и происходила веротерпимость, которая отличала египетское общество. Но ни эта веротерпимость, ни относительное свободомыслие,

запечатленное в дошедших до нас письменных памятниках, не дают оснований говорить о проявлении у древних египтян каких-то зачатков материалистического, атеистического мировоззрения. И самую постановку вопроса о существовании в условиях Древнего Египта материалистических и идеалистических взглядов, противостоящих друг другу, автор справедливо считает неправомерной (стр. 267). Ибо египетская религия сложилась в основе своей еще в доклассовом обществе и лишь впоследствии оказалась приспособлена к потребностям общества раннеклассового (раннерабовладельческого, каким считает автор Древний Египет — стр. 267); общественная мысль доклассового общества не могла содержать элементов материалистических и идеалистических в сколько-нибудь законченном виде. Поскольку же именно религия оставалась доминирующей формой идеологии, а философии практически не существовало на всем протяжении истории древнеегипетского общества¹, невозможно говорить об идеализме или материализме в египетской общественной мысли. Элементы скепсиса, прослеживаемые в литературных памятниках, ни в коей мере не затрагивают религию как таковую. Они относятся лишь к отдельным областям религиозных представлений, главным образом — ко взглядам на загробную жизнь, занимавшим в верованиях египтян одно из важнейших мест (стр. 263—265).

Вместе с тем синкретический характер древнеегипетского политеизма оказывался благоприятной почвой для появления зачаточных форм монотеистических воззрений. Такие воззрения, говорит автор, прослеживаются уже со времен Среднего царства (стр. 262). В частности, именно в египетской теологии был совершен переход от семейной троицы божеств к идее единого божества в трех лицах. Правда, окончательного становления учения о едином боге так и не произошло, но монотеистические по своему смыслу идеи, возникнув в Древнем Египте, оказали глубокое воздействие на более поздние религиозные системы. Как свидетельство этого можно рассматривать, например, повсеместное распространение в поздней античности культа Исиды (стр. 282—284). Реформы Аменхотепа IV (Эхнатона) при всей их исторической преждевременности говорят об уже довольно высоком уровне развития монотеистических представлений к XIV в. до н. э. А внимательный анализ обнаруживает органическую связь этих представлений с традиционной религиозной системой, в данном случае — с культом гелиопольского солнечного бога Ра-Харахти (стр. 255, 257).

В непосредственной связи с рассмотрением вопроса о зачаточных формах монотеизма в Египте находится представляющее немалый историко-культурный интерес исследование М. А. Коростовцевым роли египетского влияния и египетского наследия в формировании идеологических систем у древних иудеев (стр. 268—279), в античное время (стр. 280—284), в христианстве и исламе (стр. 285—297). Это исследование, равно как и анализ синкретических форм религии в эллинистическом Египте, в частности — культа Сераписа при Птолемеях (стр. 246—252), лишний раз демонстрирует читателю громадную роль древнеегипетского общества в формировании общечеловеческой культуры.

Не меньший интерес представляет и анализ М. А. Коростовцевым общественных институтов, связанных с отправлением культа — храмов и жречества, чему в книге посвящена специальная глава (стр. 157—168). Здесь следует особо остановиться на показе непосредственной связи жречества и царской администрации, органическую часть которой это жречество, собственно, и составляло. Опираясь на результаты новейших исследований советских и зарубежных специалистов, автор убедительно доказывает несостоятельность широко распространенных представлений о египетском жречестве как о якобы самостоятельной замкнутой касте, в значительной мере независимой от царской власти и даже ей противостоящей. В действительности же жрецы составляли скорее специализированную часть чиновничества, и ни о каком антагонизме между жречеством как таковым и центральной властью говорить не приходится. Нужно при этом иметь в виду и то, что, как подчеркивает М. А. Коростовцев, «традиция наследственного жречества не успела превратиться в узаконенный порядок» (стр. 162—164). Другой вопрос, что жрецы локальных божеств могли становиться выразителями сепаратистских тенденций отдельных номов в той мере, в какой местные культы служили идеологическим выражением номового сепаратизма. В этом (и, видимо, только в этом) качестве та или иная группа жрецов действительно могла оказаться в оппозиции к царской администрации.

Однако как раз в этой связи было бы, вероятно, полезно и интересно несколько более подробно обрисовать экономические возможности жречества, чем это сделано в книге. Верно, конечно, что «социально-экономические проблемы не являются предметом рассмотрения в книге» (стр. 162). Но ведь как раз богатства храмов локальных божеств в немалой степени служили, так сказать, материальной основой сепаратизма идеологического. К тому же огромные богатства, раздаривавшиеся фараонами «домам богов», доставались прежде всего немногим наиболее влиятельным храмам, о чем, собственно, говорит и сам автор (стр. 164). И показать, пусть на самом ограниченном числе примеров, реальное соотношение материальных и политических возможностей клира центральных и провинциальных храмов (т. е. косвенное отражение соотношения

¹ Ср., например, Д. Г. Редер. Мифологическое мышление и зачатки научного мировоззрения в древнем Египте. — В кн. «Культура Древнего Египта». М., 1976, с. 223—249.

центробежных и центростремительных тенденций в какой-то данный момент) видимо, стоило бы.

М. А. Коростовцев вносит интересные коррективы в распространенный взгляд на фараона как на божество (стр. 148—154). По его мнению, речь должна идти о явлении более сложном: «божественная природа фараона не что иное, как результат религиозно-политических убеждений, в то время как его человеческое естество было дано в непосредственных ощущениях» (стр. 152). И фигура фараона — фигура не «подлинного бога», а скорее „богочеловека“, приближенного к богам обстоятельствами своего рождения» (стр. 153—154). При этом в облике царя в большой мере сохраняются и харизматические черты, восходящие еще к древнему племенному вождю — например, восприятие его, по выражению М. Э. Матье, как «магического сосредоточия плодородия страны».

Особого упоминания заслуживает рассмотрение в книге проблемы связей культур Древнего Египта и Тропической Африки. Тема эта для М. А. Коростовцева не нова², и в рецензируемой книге не занимает центрального места. И все же выводы автора настолько актуальны, что их стоит отметить более подробно. М. А. Коростовцев подчеркивает африканский по происхождению характер древнеегипетской культуры (стр. 292—297). Но в то же время автор решительно настаивает на том, что автохтонные создатели ее, с одной стороны, принадлежали как к негроидной, так и к европеоидной расам (стр. 293), а с другой — на том, что автохтонный характер культуры не противоречит многочисленным и весьма сильным азиатским влияниям в ходе последующего развития (стр. 294). Весьма важно и четкое разграничение общности отдельных форм идеологии и культуры между Древним Египтом и современными народами Тропической Африки в зависимости от того, строится ли такая общность на едином «общем для белых и черных» культурном субстрате (стр. 295), или же на заимствовании, прямом или косвенном. При этом подчеркивается, что провести границу в каждом отдельном случае не всегда легко, и любой такой случай должен рассматриваться особо. Эти выводы, обобщающие современное состояние проблемы египетско-африканских контактов, своей трезвостью и сдержанностью противостоят как отдельным рецидивам пресловутой «хамитской теории», так и проявляемой некоторыми современными африканскими исследователями тенденции во что бы то ни стало доказать именно негрский характер населения Древнего Египта и его культуры³.

Как уже говорилось, в рамках рецензии нельзя осветить все аспекты новой работы М. А. Коростовцева. Но читатели, безусловно, должным образом оценят сами и детальное описание божеств различных культовых центров (главы IV—XIV), и анализ египетских представлений о загробной жизни (главы XX—XXII), и описание различных типов египетских захоронений (глава XIX). Очень полезна будет читателю и включенная в книгу в качестве заключительной главы работа Э. Миньковской «Египетская религия в Куше» (стр. 298—323); она интересна прежде всего тем, что посвящена обширной территории, на которой с давних времен действовали оба упоминаемые ранее фактора культурной общности — и единый субстрат, и прямое заимствование форм и явлений материальной и духовной культуры.

Подводя итог, можно сказать, что новая книга М. А. Коростовцева дает читателю систематизированное представление о таком важнейшем историко-культурном явлении, каким была древнеегипетская религия, притом представление, основанное на самых последних данных мировой науки. Хочется поздравить крупнейшего советского египтолога с большим творческим успехом, а Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука» — с полезной и нужной публикацией.

Л. Е. Куббель

² См. М. Коростовцев. Древний Египет и народы Африки южнее Сахары. — «Вестник древней истории», 1963, № 4, с. 13—28.

³ См., например: Ch. A. Diop. Nations Nègres et culture. Paris; ego же, Afrique Noire pré-coloniale, Paris, 1960, ego же, Antériorité des civilisations Nègres: mythe ou vérité historique. Paris, 1967; Th. Obenga. L'Afrique dans l'antiquité. Egypte pharaonique — Afrique Noire. Paris, 1973.